

Глава 2. Социальная эволюция: теоретические аспекты и общие контуры

1. Социальная эволюция и ароморфозы

Об определении социальной эволюции. Социальная эволюция – категория, вокруг определения которой идут бесконечные споры. Дело в том, что «эволюция» (как и «прогресс», «развитие», «изменение» и т. п.) относится к числу терминов, которые объединяют в себе слишком широкое содержание. Тем не менее, попробуем дать определение социальной эволюции на основе общего определения эволюции. Напоминаем, что мы имеем в виду эволюцию как противопоставление деволуции, то есть регрессивному, деградиционному процессу, который в целом ухудшает возможности систем, их приспособительных качеств, их разнообразию и т. п. Кроме того, нас в первую очередь интересует поступательная эволюция, а не трансформации, которые являются боковыми.

Социальной эволюцией можно считать **процесс изменений во времени форм, структур, функций, свойств и т.п. социальных объектов, систем, подсистем, естественных групп и совокупностей разного объема систем, подсистем и объектов, вплоть до предельных (Мир-Система, человечество), а также форм взаимоотношений между социальными системами и группами, благодаря которому возникают качественные изменения по сравнению с предшествующим состоянием (а также и способность к накоплению таких изменений; и целенаправленному использованию и обучению способам, ведущих к таким изменениям), общий баланс которых позитивно проявляющиеся непосредственно или в более отдаленный период; в отношении отдельных систем (объектов) и/или их узкой или широкой совокупности (и с учетом уровня обобщения).**

Таким образом, здесь видна возможность более глубокого осмысления эволюции и сознательного использования механизмов таких изменений. Это радикально отличает социальную эволюцию от остальных типов. Напомним, что в ходе эволюции реализуются как позитивные, так и негативные изменения, аддитивности в социальной эволюции меньше, чем в биологической и космической. Но важен общий баланс изменений – если он положительный, то мы говорим об эволюции; если отрицательный – о деволуции или инволюции.

Общественная и надобщественная социальная эволюция и некоторые ее механизмы (вызовы, ароморфозы и др.)

Об ошибочности некоторых взглядов на социальную эволюцию. Небывалые ранее вызовы как исходная точка инноваций. Мы считаем необходимым пересмотреть многие взгляды на сам ход социальной эволюции в целом. И особенно важно отказаться от представления, будто переход к новому качеству есть процесс изменений, в основных своих моментах запрограммированных предыдущим развитием и лежащих «внутри» общества, подобный последовательным стадиям онтогенеза (то есть в нормальных условиях приводящий к превращению зародыша во взрослую особь на основе разворачивания генетического кода). Ведь любой генетический код (если только он не подвергся значимой мутации) обеспечивает развитие только по известным уже и тысячекратно опробованным образцам. Мало того, он препятствует любым, тем более качественно новым изменениям, он ведь и призван не допустить отклонения от программы. Общеизвестно, что

генетические мутации обычно возникают при отклонениях внешних условий от нормы и абсолютное большинство из них нейтральны или вредны. Поэтому развитие социальных систем по траекториям, задаваемым их «культурно-генетическим кодом», было названо нами *неэволюционным* развитием (см. ниже).

Эволюционное же развитие в наиболее ее ретроспективно важной части – это *про-движение социальных организмов к приобретению нового, до этого момента неизвестного ароморфного качества, всегда связано с появлением «новизны»*. Последняя появляется часто в связи с возникновением новых, в той или иной степени небывалых прежде проблем (для данного социума, Мир-Системы или человечества в целом), таких, например, как резкий рост населения до неизвестного прежде уровня, острая нехватка земли, появление опасных врагов, раскол и гражданская война в прежде мирных социумах, резкое социальное расслоение, небывалое ухудшение экологической ситуации и т. д. И тут стоит обратить внимание на огромную роль внешних факторов среди этих проблем, или вызовов. К сожалению, этот аспект вопроса все еще недоучитывается как в отечественной, так и в зарубежной науке. Например, распространена тенденция преуменьшать роль войн и завоеваний в процессе образования государственности. Так, согласно Х. Й. М. Классену, войны и завоевания в процессе образования государства играли менее важную роль, чем идеология или социальная стратификация (Claessen 1989, 2000a, 2002; Классен 2006).

В целом марксизм и ряд других школ (каким был и еще остается в трудах некоторых исследователей эволюционизм) в попытках открыть неизменные законы истории значительно преуменьшил роль внешних факторов в развитии общества. В историческом материализме в частности стала преобладать тенденция представления общества как в основном эндогенной системы, на которую внешние вызовы, экзогенные влияния не оказывают особого влияния. Отсюда сформировались представления о движущих силах развития общества как некоей встроенной силе, которая разворачивается независимо ни от чего, почти как абсолютный дух у Гегеля (Гринин 2016, 2018; Grinin 2019). Неудивительно, что советской науке и вовсе был свойствен принцип приоритета внутренних процессов перед внешними. Так, Л. Е. Куббель полагал, что необходимо отстаивать «тезис об определяющем значении внутренних факторов в процессе становления классового государства» (Куббель 1988a: 214, 230)¹. Даже последовательные критики советского наследия в отечественном обществоведении полагают, что только «внутренние метаморфозы первобытных социумов» есть закономерные процессы. А межплеменные конфликты и войны, хотя они на практике и имели широкое распространение, следует расценивать как незаконмерные (Хоцей 2000: 42)².

Однако только новых вызовов для серьезных изменений явно недостаточно. Дело в том, что большинство обществ «отвечают» на новые проблемы старыми, привычными, опробованными способами, поскольку они выбирают не из гипотетических, а из доступных альтернатив (Van Parijs 1981: 51), то есть используют не потенциально возможные,

¹ Порой появлялись и вовсе удивительные утверждения: «Политическое развитие африканских обществ происходило на всех этапах при решающей роли **внутреннего** алгоритма, определяемого взаимодействием общины и надобщинной структуры власти. Эволюция последней главным образом зависела от **внешнего** фактора» (Бочаров 1991: 74; выделено нами. – Авт.). Получается, что хотя главным и было внутреннее взаимодействие общины и власти, но эволюция структуры власти почему-то в основном зависела от внешних факторов. Странная какая-то логика. Не правильнее ли было сказать, что политическое развитие в большой степени зависело как от внутренних, так и от внешних факторов?

² Подробнее критику подобных подходов, а также вопрос о роли войн и других внешних факторов в процессе образования государства см.: Гринин 2007e; Grinin 2003, 2004c. Но еще раз подчеркнем, что разделение на внешние и внутренние факторы в чем-то условно, поскольку внешние в одной системе координат силы в другой системе становятся внутренними (подробнее см.: Гринин 1997b, 2007n, 2007b, 2007z; Коротаев 1997b, 2003e).

а актуально известные меры (Claessen 1989). Естественно, что такие «ответы» не всегда являются эффективными. В результате множество социумов гибнет, исчезает, теряет самостоятельность.

Так, после ухода в 410 г. н.э. из Британии римских войск бритты (романизированные британские кельты) в поисках защитников от набегов ирландских и шотландских варваров пригласили к себе саксов и дали им землю, осуществив тем самым определенную социальную инновацию, впрочем, уже неоднократно апробированную в римском мире с его практикой «воевать против варваров руками варваров». Но саксы, увидев слабость британцев, вскоре перестали повиноваться местным властям и, в конце концов, вместе с англами и ютами стали хозяевами в стране. А бритты, несмотря на долгое и упорное сопротивление, были частично изгнаны, а частично уничтожены или поработаны. Поэтому в Британии вместо «бриттского» государства появились варварские англосаксонские королевства (Blair 1966: 149–168; Chadwick 1987: 71; Филиппов 1990: 77; Мельникова 1987: 8–11).

Но иногда социальные организмы все же вынуждены отвечать действительно новому; порой так случается помимо их желания. Конечно, и такие новые ответы далеко не всегда разумны, эффективны и удачны. Ведь путь к эффективному новому – путь неизвестный, неведомый, «на ощупь». Значит, ошибки, в том числе непоправимые, неизбежны. Оттого-то столь часто в истории общества гибнут или клонятся к упадку. *Поэтому для появления новой, эволюционно перспективной модели всегда требуется сочетание особых, в чем-то исключительных условий, уникальное совпадение внешних и внутренних факторов, то есть новых вызовов и новых удачных на них ответов* (см. подробнее: Гринин 1997а, 1997б, 1997в, 2003а: 52–53; 2003б: 48–52; 2007г: 7–10, 56–60). «Эволюционная теория подчеркивает эту скорее невероятную – подхватывающую случайные возможности – тенденцию в направлении к структурным изменениям, которые, с точки зрения целого, эти невероятные импульсы через их встраивание в системы трансформируют в вероятности сохранения и упорядочивания этих возможностей» (Луман 2005: 92–93).

В целом *в общеисторическом плане только незначительное меньшинство ответов на вызов было способно стать источником системных ароморфозов*. А значит, большинство обществ было не в состоянии перейти на новый качественный уровень: у них отсутствовали необходимые потенции, или в их конструкции существовали некие «дефекты», или система была слишком жесткой, чтобы легко трансформироваться, либо требовались такие условия, которые никак не возникали; могло это происходить и по иным причинам. Между тем вовсе не случайно именно социальное развитие нередко рассматривают как центральное в отношении социальной эволюции (White 1949; Steward 1972 [1955]).

Уровень эволюции и ее особенности на разных уровнях. Эволюционисты и даже неозволюционисты, к сожалению, рассматривают эволюцию главным образом на уровне отдельных обществ, социальных организмов, а «в таком понимании начисто снимается различие между... естественно-историческим процессом и конкретно-историческим его проявлением, общим направлением развития и формой его проявления» (Гиренко 1991: 23). В результате они сталкиваются как бы с неразрешимыми проблемами. Перед ними стоит постоянная проблема: как вписать в эволюцию идиоадаптацию, дегенерацию, стагнацию, распад и т. п. процессы, как объяснить циклическую динамику? Ведь эволюция практически каждого общества обнаруживает чередующиеся периоды расцвета и упадка.

Бесспорно, мы получим более реалистическую картину социальной эволюции, если попытаемся рассмотреть «упадок»/дегенерацию, стагнацию и даже распад как характерные аспекты эволюции (Yoffee 1979), как это уже давно делается применительно к био-

логической эволюции (Северцов А. Н. 1939; 1967). Но этого все-таки недостаточно для того, чтобы адекватно понять важнейшую составляющую социальной макроэволюции, социальное развитие. Такое адекватное понимание возможно при рассмотрении эволюции не на одном только уровне отдельных обществ, но и на более высоком (надобщественном), а также при выделении в ее движении более и менее перспективных (и в том числе ароморфных) вариантов. Отсюда неизбежно надо признать, что общества развиваются по-разному, что переход к новому реализуется в веере разных вариантов, на одном конце которого будет появление в дальнейшем перспективной ароморфной модели развития, а на другом – возникновение абсолютно неперспективной, нежизнеспособной модели, в конечном счете в будущем заводящей общество в эволюционный тупик, самостоятельное и успешное движение из которого невозможно или предельно затруднено. Причем именно эта неперспективность одних обществ на протяжении большей части человеческой истории во многом и обеспечивала перспективность «удачной» в конечном счете модели. В этом и заключается вышеуказанное правило платы за ароморфный прогресс.

Но если фактически общества развиваются по разным направлениям и моделям, как можно описать эти качественные изменения, работая на уровне эволюции отдельных обществ, а не всей их совокупности (всего исторического процесса или его крупного этапа)? Естественно, что в таком случае перед эволюционистами-теоретиками встают серьезные методологические трудности – в частности, как подогнать совершенно разные направления развития под одну-две эволюционные модели, если качественная реорганизация должна наблюдаться везде.

Далее возникает сложность избрания масштаба исследования. На каком уровне (эпизода, отдельного общества, региона или Мир-Системы) рассматривать эволюцию, зависит, конечно, от исследовательской задачи. Но если мы берем, скажем, уровень мирового исторического процесса, то должны ясно понимать: нам придется рассматривать далеко не все изменения. Мало того, мы вынуждены анализировать даже далеко не все качественные изменения (или качественную реорганизацию). Дело в том, что тут необходимо рассматривать прежде всего качественные изменения **особого рода и особой значимости (которые мы обозначили как социальные ароморфозы высших уровней)**.

Как уже было сказано выше, можно выделить разные типы ароморфозов; некоторые из них ведут к не особенно важным (или не получившим распространения) качественным изменениям; другие – к более существенным качественным изменениям (например, к появлению нового уровня интеграции/управления в обществе). Но помимо этого есть еще ароморфозы особой значимости, появление которых создает возможность для возникновения **эволюционно «проходных»³, постепенно становящихся универсальными качественных изменений**. Эти три типа развития связаны между собой, но это разные по значимости типы развития; однако очень часто наблюдается непонимание фундаментальной разницы между ними. Для того, чтобы подчеркнуть эту разницу, мы предложили использовать термин *СОЦИАЛЬНАЯ МАКРОЭВОЛЮЦИЯ* для обозначения *того уровня социальной эволюции, для которого характерны ароморфозы высшего типа (то есть имеющие важное значение для надобщественных уровней не меньше цивилизационных и региональных). В результате таких ароморфозов происходит переход на новую ступень развития у многих обществ, Мир-Системы либо, применительно к самому последнему времени (когда Мир-Система охватила собой все человечество), для человечества в целом.*

---

³ Под «проходными» мы имеем в виду такие эволюционные изменения, которые обладают способностью далее использоваться на протяжении очень длительных эпох и в очень широком масштабе, фактически оказывающиеся «победителями» в эволюционном отборе. Под универсальными – те, что рано или поздно распространяются в рамках всей Мир-Системы.

Таким образом, качественные рывки (макроэволюционные ароморфозы) третьего типа, определяющие в дальнейшем развитие большого количества обществ, есть особого типа качественные изменения. А следовательно, их нельзя смешивать с качественной реорганизацией любого рода, тем более что такие изменения и происходят исключительно редко. Диверсификация происходит на всех уровнях практически всегда, в то время как движение «вверх» наблюдается крайне редко, – замечает Т. Инголд (Ingold 1986). Еще реже наблюдаются ароморфозы (как биологические, так и социальные). При этом, как показано выше, хотя подобные ароморфозы первоначально появляются в одном или немногих социумах, в то же время они фактически есть результирующая развития многих обществ. И эту диалектику сочетания в них всеобщего и особенного очень важно учитывать⁴.

Эволюционный механизм такого ароморфоза в нашем понимании схематично выглядит следующим образом. Эти редкие важнейшие инновации рождаются в отдельных социумах и в значительной мере именно за счет внутренних факторов. Но рождаются они в результате особого стечения обстоятельств, поскольку в подобных особо эволюционно значимых обществах прежде должны собраться, воплотиться, аккумулироваться достижения многих социумов (в результате множества процессов и случайностей), а уже затем данный социум сможет при благоприятном стечении обстоятельств, включающем и удачную внешнюю обстановку, творчески их переработать. Все это значит, что в процессе возникновения социального ароморфоза роль внешней среды всегда велика, а иногда исключительно велика. Но само по себе рождение ароморфоза является, по сути, только началом процесса формирования ароморфоза. Дело в том, что, появившись в одном, «избранном» эволюцией месте, это новое качество не может закрепиться без распространения на другие общества, что иногда занимает очень длительное время (явление длительной задержки в распространении ароморфозов мы назвали *правилом отсроченного ароморфоза* [Гринин, Марков, Коротаев 2008]). Главная причина данного феномена в том, что для диффузии ароморфоза требуется определенное воздействие обществ-первопроходцев на другие (в виде завоевания или иного навязывания; либо, напротив, само передовое общество подвергается завоеванию и завоеватели усваивают эти достижения; или в виде обмена, распространения путем миграции людей, доказательства преимуществ в конкурентной борьбе и т. п.). Здесь следует обратить внимание и на такую важную особенность. Поскольку **распространение данного ароморфного достижения происходит за счет влияния общества-создателя данной инновации, следовательно, для других обществ появление этой проходной инновации есть уже не внутренний, а внешний фактор**. А в результате степень внутренней готовности заимствующих обществ, равно как и степень благоприятности условий для заимствования, определяет степень самостоятельности такого перехода, а соответственно и модель трансформации, например: а) догоняющую; б) модернизационную; в) прямое навязывание (военное, колониационное и т. п.); г) прямое копирование; д) заимствование в условиях особой специализации общества. Следовательно, появляются разные модели развития, уже существенно отличные от первичной. Также можно сделать вывод, что *чем шире распространяется новая модель, тем, с одной стороны, легче она заимствуется, а с другой – тем меньшая степень исключительности сочетания условий для этого требуются*. В конце концов, соответствующие ароморфные институты начинают заимствоваться просто в готовом виде⁵.

⁴ Но нередко это такие общества, эволюция которых сама по себе относится уже к макроэволюционному уровню. Например, такой была Римская империя, в которой появилось христианство.

⁵ Например, мировые религии заимствовались достаточно легко, тогда как языческие значительно труднее. Легко также вспомнить, как долго распространялся институт государства в период до начала I тыс. до н. э. А затем изобретение железа, распространение земледелия на новые территории, развитие торговли, появле-

В отношении государства такие различия многие исследователи подчеркивали введением понятий так называемых первичных и вторичных государств (то есть соответственно государств, образовавшихся без влияния других государств, и государств, созданных под влиянием уже готовых примеров и под воздействием существующих государств). Однако на уровне эволюционной теории в целом такие подходы почему-то не пробивают себе дорогу. Отсюда и довлеют представления о том, что в каждом обществе могут или даже должны иметь место эволюционные изменения не просто одного порядка, но эволюционные изменения единого комплекса характеристик, причем с совпадением даже не особо важных в плане эволюции деталей. На самом деле эволюционные изменения ароморфного масштаба в принципе не могут быть одинаковыми во всех обществах.

Социальные ароморфозы. *Социальный ароморфоз можно приблизительно определить как универсальное (широко распространенное) изменение (инновацию) в развитии социальных организмов и их систем, которое повышает сложность, приспособленность, интегрированность и взаимное влияние обществ* (см.: Гринин, Коротаев 2007; 2008б; Гринин, Марков, Коротаев 2008; Гринин, Коротаев 2013; Гринин 2017).

В результате социальных ароморфозов:

а) повышается уровень сложности обществ и увеличиваются возможности для них расширить (изменить) природную и социальную среду их существования и функционирования (что проявляется, например, в росте населения и/или производства); растет степень устойчивости обществ в отношении влияния среды;

б) увеличивается скорость не разрушающих общественную систему развивающихся изменений, включая скорость заимствований;

в) растет степень интегрированности обществ, создаются особые стабильные надсистемы (например, цивилизации, экономические и военные союзы) и надобщественные зоны, центры и особые надобщественные сферы, не принадлежащие ни одному обществу в отдельности;

г) увеличиваются темпы эволюции в направлении создания сверхсложных предельных суперсистем (мир-систем, человечества), в рамках которых каждая общественная система, оставаясь автономной, становится частью такой сверхкрупной системы и развивается в ее рамках за счет специализации и особого внутрисистемного разделения функций.

В качестве примеров социальных ароморфозов высшего типа можно привести:

- идеологическое осмысление системы родства и свойства, создавшее универсально удобную систему социального структурирования;

- переход к производящему хозяйству, давшему начало мощному искусственному увеличению объема полезной для человека биомассы, а также целенаправленному использованию силы животных;

- возникновение письменности, что стало основой информационного переворота, появления развитых административных систем, литературы, науки;

- переход к металлургии железа;

- становление развитых рыночных систем, создавших основы для промышленной революции;

- появление компьютерных технологий и т. д.

Каждый из этих социальных ароморфозов имел множество самых разнообразных и обычно очень важных последствий, в целом способствовавших повышению возможностей обществ в плане их устойчивости или расширения емкости используемой ими среды.

ние денег и прочие технологические инновации стали все быстрее втягивать народы в государственность. А когда империи стали ее прямо навязывать, процесс пошел еще быстрее.

Как общий эволюционный алгоритм в реализации и биологического, и социального ароморфоза, так и сами критерии обоих типов ароморфозов имеют важные черты сходства. Так, было отмечено, что в основе ароморфоза «лежит обычно одно какое-нибудь частное приобретение, которое... приводит к крупным преимуществам для организма, ставит его в благоприятные условия размножения, увеличивает его численность и его изменчивость... и тем самым ускоряет темп его дальнейшей эволюции. В этих благоприятных условиях идет затем полная перестройка всей организации» (Шмальгаузен 1969: 410; см. также: Северцов А. С. 1987: 64–76). И далее, в ходе адаптивной радиации, эти изменения организации более или менее широко распространяются, порой со значительными вариациями.

Похожим образом это происходит и в социальной макроэволюции. Возьмем, например, изобретение железа. Как известно, выплавка железа эпизодически производилась еще в III тыс. до н. э., но реально процесс получения низкосортной стали впервые вошел в обиход где-то в середине II тыс. до н. э., вероятно, в Малой Азии (см., например: Чубаров 1991: 109). Особое распространение железная металлургия получила в государстве хеттов, которые охраняли свою монополию. Распространение индустрии железа вело к революционным изменениям в разных сферах жизни: совершенствовалось плужное земледелие, а с ним и вся аграрная система (см.: Grinin, Korotayev 2006); интенсивно развивалось ремесло; на месте варварских обществ возникали цивилизации; формировались армии нового типа, то есть массовые, вооруженные относительно дешевым, но эффективным железным оружием; для поддержания существования этих армий возникли принципиально более развитые налоговые системы, а значит, и системы сбора и обработки информации, и т. д.

Что касается различий между социальными и биологическими ароморфозами, то они вытекают из общего различия между биологической и социальной макроэволюцией⁶: развитие биологического ароморфоза ведет к росту биологического разнообразия, развитие социального ароморфоза – к замене простых форм более сложными.

Используя понятия социального и биологического ароморфозов, нам удалось вывести целый ряд общих для биологической и социальной макроэволюции правил: «платы за ароморфоз», «особых условий для появления ароморфозов» и других, которые можно считать сходными (в общих чертах) и хорошо работающими как на биологической, так и на социальной фазах макроэволюции (подробнее см.: Гринин, Марков, Коротаев 2009).

2. Социальная эволюция как движение в надобщественном и мир-системном уровнях

Соотношение общественной и надобщественной (мир-системной, общечеловеческой) эволюции. Крупная методологическая ошибка, свойственная и классическому эволюционизму, согласно которой все общества развиваются одинаково, проходя одни и те же стадии развития, свойственна и некоторым современным взглядам. Но она ошибочна по ряду причин. В частности, поскольку общества существуют в суперсистеме внешнего окружения (и чем позднее эпоха, тем больше эта суперсистема), то в ней складываются собственные законы развития. Согласно последним возникают: а) разделение труда или функций в рамках международной системы; б) эксплуатация одних обществ другими; в) собственная суперструктура, где можно выделить центральные и периферийные элементы. Соответственно, по причине разделения функций, внешней эксплуатации и разного положения в суперсистеме они специализируются и развиваются по раз-

⁶ Биологическая эволюция является преимущественно аддитивной, то есть имеет накопительный характер, а социальная имеет преимущественно заместительный характер (см. выше), что особенно заметно в последние два века.

ным траекториям, тогда как общее развитие свойственно лишь суперсистеме в целом, но при этом ее центральные общества оказываются ближе к общей модели развития, чем периферийные (Гринин 2016: 36; см. также Гринин 2018; Grinin 2019).

Механизмы действия социальной эволюции достаточно часто представляют однотипными и в изменении отдельного общества на небольшом отрезке, и в глобальных трансформациях мир-систем и всего человечества на протяжении огромных временных периодов. Это общий недостаток взглядов на сложные процессы в общественных науках, и, как мы видели в первой части главы, именно с таких позиций нередко пытаются анализировать общественные законы, движущие силы исторического процесса, прогресс и т.д. Имплицитно многие обществоведы при таком анализе подразумевают: если уж признавать действие какого-то фактора ведущим, то везде, всегда, в каждом эпизоде, в каждой клеточке общества. В результате получается абсурд.

Такой подход есть замаскированное представление о том, что эволюционные законы должны касаться всех социальных организмов, что основное изменение идет именно на уровне организмов⁷. Но это не совсем так. А в отношении важнейших, критических изменений тем более совсем не так. Поэтому «претенциозное утверждение, будто бы каждый народ должен пройти через какую-то представленную в нашей истории стадию, прежде чем достигнуть того или иного пункта, более невозможно поддерживать» (Lowie 1920: 441). Много лет тому назад Т. Шидер с горечью отмечал, что эволюционная схема, в соответствии с которой все народы и культуры проходят одни и те же ступени развития, возникла еще в XVIII в., но, хотя она не соответствует результатам исследований, до сих пор оказывает на отдельные науки, такие, например, как этнография, громадное воздействие и устраняется с чрезвычайным трудом (Шидер 1977: 161). То, что подобные мысли высказывались много десятилетий назад, а вопрос по-прежнему остается актуальным, свидетельствует о том, как медленно в социальной науке (в том числе из-за пренебрежения важными вопросами теории) решаются некоторые проблемы.

Некоторые исследователи пытались избежать этих недостатков. Например, мы уже упоминали выше, определение Х. Й. М. Классена эволюции как *процесса структурной реорганизации во времени*. Классен считает важным для понимания эволюции подчеркнуть, что процесс изменения от простого к сложному не является сущностью культурной эволюции, как полагал Спенсер, (Классен 2000a: 7; Claessen 1989: 234; Claessen 2000a: 1), поскольку это не всегда и не везде наблюдается. В этом подходе немало верного, и именно поэтому мы в целом принимаем, как подчеркивали выше, определение Воже – Классена (Voget 1975: 862). Но именно поэтому стоит остановиться подробнее (теперь на уровне собственно социальной эволюции), в чем состоят важные, неустраненные и, создается такое впечатление, даже не осознаваемые недостатки распространенных взглядов на эволюцию, которых, к сожалению, не избежали даже такие серьезные исследователи, как Классен.

Для этого вдуваемся в тот бесспорный факт, что любое крупное качественное социальное изменение на самом высшем системном уровне – общечеловеческом, Мир-Системы или хотя бы на уровне ее крупной части – сплошь и рядом создавалось за счет дегенерации или уничтожения массы социальных систем, их интеграции, а также развития разных обществ по разным направлениям, из которых потом становятся ведущими только некоторые⁸. При этом заметная часть достижений обществ, которые развивались не по условно выделяемой ведущей линии эволюции, тем не менее, используется. Весь этот сложный процесс накопления, отбора и синтеза и создает в конце концов условия

⁷ А не на уровне крупных групп обществ, внутри которых и выделяются особые «проходные» социумы, которые становятся первопроходцами, гегемонами или моделями для подражания.

⁸ По крайней мере, так было в течение основной части исторического процесса, хотя сегодня ситуация несколько иная.

для качественного рывка (ароморфоза). Иными словами, развитие человечества, с одной стороны, и тех или иных конкретных обществ – с другой, не является соотношением одних и тех же процессов, только разного масштаба. Поэтому их продуктивнее рассматривать как соотношение частей и целого. А целое, как известно, не равно сумме частей. Это и понятно, поскольку части выполняют очень разную функциональную роль: центра и периферии, хищника и жертвы, победителя и побежденного, заимствующего (реципиента) и дающего (донора), колонии и метрополии, поставщика ресурсов и их потребителя, производителя и посредника, руководителя и исполнителя; органов, специализирующихся на отдельных функциях, просто участников разделения труда и т.п.

Эволюция и плата за арогенный прогресс. Итак, по нашему мнению, макроэволюцию надо рассматривать в первую очередь на уровне надобщественном, то есть как результат соперничества, отбора, уничтожения, дегенерации одних общественных систем и подъема других, как рождение (в результате процессов интеграции, объединения, подчинения) обществ новой генерации, обладающих новыми, невиданными свойствами. Иными словами, без уничтожения, поглощения, дегенерации, стагнации, отставания, развития в тупик и т. п. одних обществ на протяжении большей части человеческой истории не могло быть арогенной эволюции других обществ и в целом социальной эволюции в том виде, как она реально наблюдалась (напомним, что эта характеристика макроэволюции названа нами *правилом платы за ароморный прогресс*).

Поэтому эволюция на уровне всемирно-исторического процесса, то есть макроэволюция, всегда является результирующей взаимодействия разных линий развития, идиоадаптации, специализации, упадка и дегенерации, паразитирования, разрушения и т. п. и не может быть экстраполирована на конкретные общества без особых методик.

Итак, ясно: все еще очень распространенный взгляд, согласно которому все общества и народы имеют одинаковые стадии развития и различаются только временем их прохождения, принципиально не верен. Эволюция – это, образно говоря, *не широкая лестница*, по которой раньше или позже могут подняться в одном направлении и самостоятельно все, *а самый сложный лабиринт*, выход из которого без заимствований находят лишь некоторые (и то только на каком-то определенном этапе, а в конечном счете, найти «выход из лабиринта» совсем без всяких заимствований не смогло ни одно общество). Иными словами, *далеко не каждое конкретное общество является повторением в малом масштабе общего эволюционного развития, а только некоторые из них и лишь на отдельных периодах макроэволюции* (и то с большими оговорками). **Дело в том, что вплоть до самого недавнего времени эволюционный прорыв к качественно новому уровню (ароморфозу) в одном месте (обществе) мог состояться только за счет гибели, стагнации, движения вбок и т.п. массы других обществ.**

Это можно подтвердить, скажем, на примере образования государства. Потребовались тысячелетия, чтобы эволюционные преимущества этой новой формы ясно выявились и она стала господствующей. Но при этом десятки тысяч политических организмов исчезли как самостоятельные, навсегда потеряв шанс ими стать.

Почему, допустим, соседи Руси – печенеги и половцы – так и не создали государства? Почему не возникло государства у галлов, хотя по уровню культуры, численности населения, развитию городов и торговли они заметно превосходили многих других, например саксов и англов, захвативших Британию? (Об очень высоком уровне развития доримской Галлии см., например: Clark, Piggott 1970: 310–328; Chadwick 1987; Бесмертный 1972; Бродель 1995; Шкунаев 1989; Цезарь, Галльская война; Штаерман 1951; Филип 1961: 116–129; Монгайт 1974: 248–253; Леру 2000; Тевено 2002.)

Приведем и более близкую аналогию. Были ли в рамках Мир-Системы позднего Средневековья и начального периода Новой истории (XV–XVIII вв.) неизбежными процессы объединения мелких, близких в этническом отношении политий (княжеств, гер-

цогств, курфюршеств, городских республик и т.п.) в крупные централизованные государства? Несомненно. Однако в Италии и западной Германии таких государств не сложилось. И появились они много позже уже под сильным внешним влиянием. А в Польше, например, сильная королевская власть так и не была создана никогда. Для россиян также не лишним будет напомнить, что наша собственная страна отклонилась от, казалось бы, неизбежного (в контексте общей эволюции Мир-Системы XIX–XX вв.) развития в сторону демократии и укрепления частной собственности. Да и сегодня процесс глобализации резко делит страны и народы на тех, кто будет играть важную роль в новом глобализующемся мире, и на тех, кто будет (по крайней мере, на протяжении ближайших десятилетий) преимущественно объектом изменений.

Таким образом, хотя вполне правильно считать государство неизбежным результатом эволюции, однако это утверждение верно только в самом общем плане – в той мере, в какой речь идет о государстве как итоге длительной конкуренции разных форм, их гибели, трансформаций, социального отбора и т.п. Другими словами, это верно в целом для человечества. **Но для каждого общества в отдельности возникновение государства не было неизбежным.**

Ведь государство являлось не только совершенно новым решением проблем, стоящих перед усложнившимися обществами, но и путем, который означал разрыв со многими прежними отношениями и традициями. А сделать это достаточно трудно и просто не всегда возможно. Поэтому многие общества и шли собственной дорогой, которая, однако, нередко вела к иным результатам, в частности к сверхразвитию прежних тенденций (см., например: Гринин 2007г; Grinin 2003; 2004с; Гринин, Коротаев 2007в) или к становлению принципиально новых форм сложной политической организации, качественно отличной от государственных систем (см., например: Коротаев 1995б, 1996, 1997а, 2000а, 2000б, 2006в; Коротаев, Крадин, Лынша 2000). Подобное развитие могло вести, например, к крайней сакрализации правителя; к сверхусложнению родственных отношений и образованию аристократического сословия привилегированных родов и родственных линий; к усложнению сетевых горизонтальных (вместо вертикальных иерархических) связей; жесткому закреплению профессиональных и социальных различий (кастовая система); к созданию конфедераций племен, гражданских общин или городов без сильной центральной власти (но с эффективными альтернативными механизмами межсоциальной интеграции) или к другим моделям. При этом выбор направления развития всегда связан со многими конкретно-историческими причинами (подробнее см.: Гринин 2006м, 2007в; Grinin 2003, 2004b).

Нередко судьба отдельного общества зависит и от случайностей, особенно в периоды неустойчивых, бифуркационных его состояний. В частности, моменты появления государств и других сложных политических систем нередко создавали такую зону бифуркации для массы изменяющихся обществ, когда те или иные, казалось бы, незначительные события могли сыграть решающую, а то и роковую роль. Так, например, Чингисхан еще до провозглашения его верховным ханом трижды чудом избегал смерти, причем один раз его искали триста погнавшихся за ним всадников (Хара-Даван 1996: 105). Погибни он – и гигантской империи бы не возникло. Ведь история кочевников говорит, что порой проходили сотни лет, пока появлялся деятель, способный до такой степени сплотить их. А Монгольскую империю и вовсе нужно рассматривать как исключительный случай (Barfield 1991: 48). В Новое время бифуркационные состояния особенно часто возникали в период революций, во время которых роль личностей и с ними связанных случайностей возрастала самым радикальным образом (см. подробнее: Бородин 2002, 2007; Гринин 1997б: 37–59; 2003б: 75–85; 2007н: 185–200; Grinin 2007е; о роли личности в истории и социальной эволюции см. Семенов, Гобозов, Гринин 2007; Grinin 2007, 2008, 2010, 2012).

Таким образом, с одной стороны, любой эволюционный скачок подготавливается всем предыдущим развитием и опытом за счет неудачных попыток нащупать новый путь, все большим назреванием потребностей в «решении задачи», пока линия эволюции не выйдет туда, где создались наилучшие условия для прорыва. Но с другой – где и как это произойдет – вопрос конкретного исторического случая и совпадения особых условий. Таким образом, хотя конкретная инновация или даже макроинновация (которая позже становится эволюционно значимой для целого ряда обществ) очень часто появляется в каком-то конкретном обществе в конкретное время и в результате особых условий, очевидно, что причины и условия появления этого эволюционного изменения нельзя искать только в особенностях породившего его социума. Какие бы особо благоприятные условия в данном обществе для рождения социального ароморфоза ни создались, данные условия всегда подготавливались развитием множества других предшествующих и современных ему обществ, даже если эти усилия были неудачными и/или неосмысленными. А часто они подготавливались как раз такими неудачными поисками новых путей. Напомним, что мы сформулировали этот принцип как «правило платы за ароморфный прогресс» (Гринин, Марков, Коротаев 2008).

Эволюционный масштаб и ароморфозы. Для появления значимых социальных ароморфозов нужен определенный (гораздо более широкий, чем одно общество) социальный масштаб (часто масштаб Мир-Системы) и большое «видовое» разнообразие определенных социальных форм (см., например: Гринин 1997а; 1997б)⁹. Так, рождение первичной системы машинного производства в хлопчатобумажной промышленности Англии в 1730–1760-е гг., а затем и появление системы паровых машин, с одной стороны, определялись общим уровнем развития, интегрированности и потребностей Европы и мира, а с другой – уникальными особенностями предшествующей истории Британии (см. об этом: Гринин 2003а: 139–140) и событиями, которые в отношении появления машинной промышленности выглядят достаточно случайными. Среди последних, в частности, был запрет на ввоз индийских, китайских и персидских хлопчатых набивных тканей в Англию. Это была обычная протекционистская мера, предпринятая под давлением производителей шерстяных тканей (Манту 1937: 160). В эпоху меркантилизма в европейских странах, включая Англию, таких запретов вводилось множество, но революционных последствий они, как правило, не вызывали. Поскольку такой закон был утвержден после достаточно упорной борьбы и, значит, его принятие вполне могло и не состояться – а это и есть случайность, – можно задаться вопросом: как бы формировался тогда машинный способ производства? На наш взгляд, переход к нему мог затянуться и даже состояться в другом месте, то есть не в Англии. Однако раньше или позже такой ароморфоз имел бы место с исключительно высокой степенью вероятности (см. интересные рассуждения на эту тему В. Макнила [McNeill 1990]). Таким образом, запрет на ввоз тканей сыграл роль удачной случайности (наряду с некоторыми другими случайностями; см. также Гринин, Коротаев 2016; Grinin, Korotayev 2015).

Однако в целом то, что обычная протекционистская мера выполнила функцию пускового механизма в процессе формирования нового способа производства, объясняется тем, что одновременно и Мир-Система в целом, и Англия как достаточно передовая, но все же еще полупериферийная ее часть (именно та, в которой легче могли произойти ароморфные изменения) уже были готовы к такому рывку. Уже существовала ранняя капи-

⁹ А. Марков обратил внимание, что в то время как в биологии (в теории макроэволюции, в экологии и др.) разнообразие – один из ключевых показателей, и по этому поводу много написано, в социологии идея разнообразия, к сожалению, используется гораздо реже, особенно на количественном уровне. Между тем тут открывается много возможностей для развития некоторых положений теории социальной эволюции и макроэволюции. В частности, можно рассматривать разнообразие на разных уровнях (подробнее см.: Гринин, Марков, Коротаев 2008).

талистическая система и появился промышленный принцип производства (см.: Гринин 2003а: 123–138; 2007б: 73–78), создались колониальные империи и мощно развивалась мировая торговля (результатом чего и стал наплыв индийских тканей в Европу). Следует также учитывать наличие уже традиции технического прогресса. В частности, история паровой машины насчитывала к концу XVIII века уже более ста пятидесяти лет (см., например: Манту 1937: 264).

Важно также учитывать, что крупный ароморфоз может произойти только при заполнении всех возможных ниш. Только тогда в процессе завоевания новых ниш либо попыток компенсировать потери этих ниш какие-то инновации, возникшие для лучшей адаптации или попыток самосохраниться, неожиданно открывают большие качественные возможности, позволяющие продвинуться к более сложным формам.

Таким образом, процесс занятия новых ниш крайне важен на всех уровнях. Так, появление кочевых обществ позволило освоить огромные пространства, резко усложнить Мир-Систему, увеличить производимый продукт и торговлю и т. п. И это при том, что кочевые общества в целом уступали по уровню оседлым. Поэтому в сравнении с оседлыми обществами, цивилизациями мы не можем говорить о качественном развитии (в целом, сравнивая системы), но в мир-системном плане – это была безусловно эволюция, резко расширившая и усложнившая Мир-Систему. Кроме того, в отдельных отношениях, в плане использования верховых животных, военном деле кочевники имели преимущества, что также способствовало отбору. Таким образом, расширение ниш в социальной эволюции, как и другие аспекты эволюции найдут свое место в нашем исследовании. Но надо иметь в виду, что мы сможем остановиться только на определенной части эволюционных процессов.

Таким образом, в определенном смысле вполне можно говорить, что появление нового ароморфного качества **всегда есть синтез надобщественного (цивилизационного, регионального, мир-системного, общечеловеческого) масштаба развития и особенностей осуществившего инновацию общества**. Кроме того, значимая инновация становится макросоциальным ароморфозом, только если она распространяется значительно дальше породившего его общества. Лишь тогда она эволюционно закрепляется и способна вызывать дальнейшие изменения. Но в социальной эволюции достаточно часто возникают инновации, которые не принадлежат ни одному обществу в отдельности, а являются как бы общим достоянием. Таким общим достоянием всех мусульман, например, ислам сделал Каабу, которая и до этого была сакральным местом для многих племен Аравии. И создание такой общеисламской святыни внесло свой вклад в формирование исключительно важного института общеисламского паломничества, сыгравшего огромную роль в истории исламской (и мировой) цивилизации (см., например: Коротаев, Клименко, Прусаков 2007). К числу таких институтов относятся и общечеловеческие организации (Лига Наций, ООН).

В этой связи важно отметить и следующее. Главными движущими силами в одних случаях могут выступать внешние воздействия, в других – внутренние противоречия (например, социальная или партийная борьба). Но мы можем констатировать, что для каждого типа обществ (с учетом его «культурного кода») **есть свой определенный предел, потолок развития, выше которого они не могут подняться, не изменив свой культурный код**. Дальше него (принимая во внимание характеристики эпохи) данное общество может пойти либо в результате выпадения из общего ряда как новая «веточка» эволюции, либо под воздействием более развитых соседей и при необходимой структурной трансформации. В ином случае общество вступает в кризис (например, в социально-демографический кризис), но не в силах удовлетворительно, то есть радикально, разрешить его. Это одно из объяснений циклов подъема и упадка, столь характерных для многих древних и средневековых обществ.

В этих случаях государство начинает очередной цикл с новой отметки (как это было показано нами выше в отношении Западной и Восточной Хань), но в своей эволюции оно часто пропускает наиболее удачный момент для такой качественной мутации и трансформации, которая бы вывела его на новую, более перспективную эволюционную траекторию. Развитие же по старой эволюционной траектории может в таком случае только отдалять его от точки, от которой возможно было еще совершить эволюционный скачок. Иными словами, эволюция может быть очень значимой, но вектор такой эволюции направлен в иную сторону, чем, в конечном счете, он оказывается направленным в тех обществах, которые такой прорыв осуществили. Развитие Китая является ярким примером этого типа развития. В нем от кризиса к кризису эволюционировало государство и его способность поддерживать рост населения, пока она не достигла поразительных показателей (подробнее см., например: Коротаев, Комарова, Халтурина 2007: 68–112; Гринин 2003а: 123–124; 2007в: 261–265). Но тем самым Китай, возможно, все дальше уходил от направления технического и производственного капиталистического развития, которое «избрала» Европа, а через некоторое время, по большей части вынужденно, и все остальные зоны Мир-Системы.

По мере развития все новых социальных факторов (особенно промышленного производства, науки, классовой и партийной борьбы, современных идеологий и т. д.), а также ослабления изоляции обществ **роль идиоадаптационных эволюционных составляющих относительно ослабевает, а роль аrogenных составляющих (составляющих эволюционного развития) растет**. При этом в макроэволюции все более усиливается роль социального реформирования. По мере же интеграции человечества и появления у него общих проблем и своего рода международной «этики» реформирование начинает перерастать в то, что можно назвать социальной селекцией (местный тип общества «скрещивается» с образцом передового) и инженерией (то есть конструированием модели общества и планированием его функционирования и развития в соответствии с этой моделью). Разумеется, эти способы развития еще в начальной стадии и полностью себя не проявили. А роль спонтанной неконтролируемой социальной макроэволюции хотя и ослабла, но все же сохраняется в очень высокой степени.

3. Социальная эволюция, эволюционное и неэволюционное развитие

Мы уже несколько раз обращались к определению эволюции Спенсера, показывая, с одной стороны, что оно заслуживает особого внимания уже потому, что под его определение подпадает одна из важнейших разновидностей эволюционных процессов, а с другой – заужает процесс эволюции. Кроме того, отнюдь не всякое движение «от несвязной однородности к связной разнородности» тождественно эволюции, поскольку такое движение не всегда связано с качественными эволюционными изменениями. Эволюция же и в нашем понимании, и в вышеприведенном определении Воже – Классена есть процесс качественных изменений.

И если рассматривать процесс, описанный Спенсером, только в аспекте качественных трансформаций, тогда он представляет собой не что иное, как *развитие*. Здесь представляется необходимым подчеркнуть, что хотя среди тех, кто занимается социальной эволюцией, развитие в основном связывается с эволюционным развитием или социальным прогрессом, тем не менее, и в жизни общества существуют разные типы развития (в частности, не только движение по восходящей линии [~ эволюционное развитие, наиболее ярко выражающееся в ароморфозах], но и развитие в ходе определенных повторяющихся фаз некоторых циклических процессов, без явной качественной трансформации от цикла к циклу).

Поэтому для обозначения процессов развития в социальной динамике мы предлагаем использовать два термина, описывающих два принципиально разных типа социального развития: **эволюционное и неэволюционное развитие**. Соответственно ниже «спенсеровский» тип эволюции обозначается как **эволюционное** развитие, выступающее применительно к социальным системам в какой-то мере как аналог филогенетического развития в биологии. А тип **неэволюционного** социального «развития» представляет некоторый (хотя в любом случае и неполный) аналог биологическому онтогенетическому развитию в рамках дихотомии онтогенеза и филогенеза¹⁰.

В частности, определенные фазы циклов функционирования/воспроизводства социальных систем (включающие и составляющие развития) в обществах на определенных временных отрезках можно, видимо, рассматривать как в значительной степени запрограммированные существующими в них системами культурных кодов, ценностей и структур власти. Такое «развитие» следует рассматривать именно как **неэволюционное**, поскольку под эволюционными сдвигами в этом случае нужно было бы понимать уже изменения «программирующих» систем и структур, оказывающих свое воздействие на ход и направление функционального, неэволюционного развития соответствующих обществ.

Достаточно наглядно различие между неэволюционным общественным развитием и эволюционными сдвигами видно при рассмотрении социальной динамики конкретных обществ в ходе последовательных социально-демографических циклов. Например, в Китае в самом начале нашей эры в период восстановительного роста, последовавшего вслед за политико-демографическим коллапсом западноханьской социально-политической системы, произошедшим в 10-е гг. I в. н. э. (уже после узурпации власти Ван Маном), наблюдалось очень интенсивное восстановительное развитие, по мере того как новая ханьская система воссоздавалась из хаоса 10–20-х гг. (Lee Mabel Ping-hua 1921: 178–179; Бокщанин, Лин Кюнъи 1980: 30; Крюков и др. 1983: 32; Малявин 1983: 30; Bielenstein 1986; Loewe 1986: 292–297; Нефедов 2002б: 140)¹¹. В ходе этого процесса возникали подсистемы (в частности, сбора налогов, создания резервных запасов, регистрации населения и т.п.), между которыми устанавливались все более прочные и эффективные связи. Таким образом, имел место двуединый процесс дифференциации и интеграции, движение от хаоса распада к высокоорганизованной империи, то есть именно развитие.

Однако можно ли рассматривать этот восстановительный процесс как *эволюционное* развитие? На наш взгляд, нельзя. Действительно, в результате данного восстановительного процесса появилось нечто, исключительно похожее на предшествующую западноханьскую империю. В данном случае мы имеем дело с процессом, в некоторых чертах аналогичным процессу биологического онтогенетического развития (напомним, не относящемуся к биологической эволюции). Ведь развитие в примере с восточноханьским Китаем направлялось именно своего рода культурным генотипом, то есть система развивалась в соответствии с представлениями китайской элиты (частично зафиксированными и в письменных текстах) о том, как должна быть правильно устроена централизованная империя, к восстановлению которой эта элита (насколько можно судить, при поддержке большинства рядового населения [Bielenstein 1986]) стремилась. В результате на выходе (в конце периода восстановительного развития) сформировалось нечто, удивительно похожее на предшествовавшую восточноханьской западноханьскую (конец III в. до н. э. – начало I в. н. э.) социально-политическую систему (но, естественно, не идентичную ей).

¹⁰ Как известно, в биологии различаются процессы развития отдельного организма в течение его жизненного цикла – *онтогенез* и процессы развития биологического вида – *филогенез*. Но при этом эволюционным является только филогенетическое развитие.

¹¹ Западноханьская империя существовала в период конца III в. до н.э. – начала I в. н.э. Иначе еще она называется раннеханьской (иногда Старшей или Ранней Хань) в отличие от позднеханьской или восточноханьской империи (или Младшей Хань), существовавшей в 25–220 гг. н.э.

Это, конечно, не значит, что никакого эволюционного развития традиционная социально-политическая система Китая (и других сверхсложных аграрных обществ с характерными для них «вековыми» социально-демографическими циклами) вообще не испытывала. Напротив, ряд важных эволюционных сдвигов (в большинстве случаев, впрочем, достаточно частных) здесь, конечно, можно проследить. Такое органическое сочетание неэволюционного и эволюционного развития дает возможность предварительно показать некоторые важные различия между социальной и биологической эволюцией, касающиеся процессов биологического и социального воспроизводства (полную систему таких различий мы проанализируем ниже).

При появлении нового биологического организма значимое изменение генотипа (в результате мутации) происходит только в незначительном меньшинстве случаев, хотя незначимые изменения практически всегда имеют место, поскольку репликация целого генома без ошибок тоже невозможна. Однако их роль для эволюционного развития, как правило, несущественна за исключением редких случаев (впрочем, исключительно важных как раз в эволюционном плане, ибо мутации являются необходимым условием биологической эволюции). При переходе же от одного социально-демографического цикла к другому те или иные значимые (но при этом совсем не обязательно ароморфные) изменения «социокультурного генотипа» происходят всегда¹². Происходят они уже потому, что межпоколенная передача сколько-нибудь значительных объемов социокультурной информации абсолютно без всяких изменений в принципе невозможна. Так же неизбежно и неосознанное искажение передаваемой культурно значимой информации (что в известной мере можно трактовать едва ли не как полный аналог биологических мутаций)¹³. И уже одно это само по себе может приводить к определенным социоэволюционным сдвигам (Жоротаев 1997б, 2003е). Однако значительно более важно для нас здесь сознательное изменение этой информации ее носителями. Хотя многие до сих пор убеждены, что «история никого никогда ничему не учит», уже элиты сложных аграрных обществ достаточно часто пытались учитывать ошибки своих предшественников и модифицировать «социокультурный» генотип, чтобы их избежать. Вспомним, например, о вполне осознанном изменении основателями сунской династии в Китае (960–1279 гг.) положения военной элиты с целью заблокировать возможность «военных переворотов», подрывавших стабильность политической системы их предшественников (Wright 2001).

Другим, едва ли даже не более важным отличием является то, что в процессе биологической эволюции благоприобретенные признаки не наследуются, тогда как в процессе социальной эволюции они могут закрепляться¹⁴.

Если вы обучите свою собаку самым разнообразным командам, ни один из этих навыков ее потомству ни в какой степени не передастся. Если аграрное общество освоит в ходе данного социально-демографического цикла новые эффективные технологии или разовьет показавшие свою высокую эффективность политические, социальные и тому

¹² Мы считаем, что степень таких «искажений» в социальной жизни существенно выше. И еще более важно, что их роль в социальной макроэволюции возрастает наряду с сознательными изменениями. В то же время в биологической макроэволюции дело, кажется, обстоит наоборот. Если, например, у вирусов и некоторых бактерий мутационная изменчивость просто постоянно необходима для выживания, то у высших животных для выживания она требуется в более ограниченном масштабе. Поэтому мы полагаем, что хотя сравнивать человеческие общества и колонии бактерий вполне возможно, однако не в случаях, когда рассматривается динамика и направленность макроэволюции.

¹³ К близким результатам приходит Р. Докинз в своей концепции «эволюции мемов» (Докинз 1993).

¹⁴ Поскольку, как отмечают эволюционисты, одно из отличий социальной эволюции от биологической заключается в отсутствии в первой ясного эквивалента различий генотипа – фенотипа (анализ этого положения см.: Mesoudi *et al.* 2006: 344–345), то очевидно, что выше используемые нами выражения «социокультурный генотип» и «социокультурный фенотип» – это в значительной степени метафора или аналогия, вполне полезная, но не претендующая на статус теории. И к этим выражениям, естественно, не следует подходить слишком строго.

подобные институты, то эти технологии/институты будут с очень высокой вероятностью воспроизводиться и новыми поколениями в последующих социально-демографических циклах. Поэтому социоэволюционные сдвиги накапливаются намного быстрее, чем биологически полезные изменения, обусловленные мутационным процессом. Вот почему каждый данный социально-демографический цикл значимо непохож на своего предшественника, и вот почему после завершения периода восстановительного роста дальнейшее социальное развитие (в ходе которого возникают формы и структуры, отличные от всех предшествовавших форм и структур) уже должно рассматриваться именно как эволюционное развитие.

Может показаться, что дихотомия социальной эволюции и неэволюционного (функционального) развития утрачивает свое значение для современных (индустриальных и постиндустриальных) обществ, основанных на индустриальном и научно-информационном принципах производства (см. Гринин, Коротаев 2009: Глава 2; см. также: Гринин 2003а, 2007б), так как в них процессы социального развития оказываются составляющей (и при этом важнейшей составляющей) общего процесса социальной эволюции. Дело в том, что в них «встроена» потребность в постоянных изменениях и инновациях, отсутствие которых воспринимается как нарушение нормального цикла воспроизводства социальных систем. Поэтому развитие приобретает все более осознанный характер, становясь частью макроэволюционных изменений. При этом «вековые» социально-демографические циклы исчезают в связи со спасением населения из «мальтузианской ловушки» (см. Гринин, Коротаев 2009: Экскурс 2, а также: Коротаев, Комарова, Халтурина 2007; Artzrouni, Komlos 1985; Гринин, Малков, Коротаев 2008). Вместе с тем не надо забывать про свойственные современным обществам более короткие многолетние циклы, на начальных фазах которых имеются составляющие развития, в некоторых существенных чертах повторяющие составляющие развития начальных фаз предшествующих циклов.

Кроме того, в современных обществах никуда не исчезают и естественно обусловленные циклы (прежде всего годовые и суточные). Современный тип производства – это, как правило, расширенное воспроизводство, причем всегда с теми или иными инновациями. Однако обычно годовой цикл все же не несет в себе радикальных (и тем более ароморфных) эволюционных изменений. Поэтому такое несомненное развитие все же в рамках короткого периода можно рассматривать как немакроэволюционное, но уже в более длительных временных границах (иногда даже порядка 5–10 лет) именно как макроэволюционное (естественно, в еще большей степени сказанное относится к более коротким – дневным или недельным – циклам).

4. Многолинейность, альтернативность и конкурентность социальной эволюции

Однолинейные, двухлинейные, многолинейные и нелинейные теории социальной эволюции

Рассмотрение эволюции как однолинейного процесса, что все еще имеет место (по крайней мере, применительно к социокультурной эволюции), сильно упрощает и в конечном счете принципиально искажает эволюционный процесс. Результат конкуренции, отбора, поиска наиболее «удачных» эволюционных форм и моделей, то есть результат очень длительных и сложных процессов, представляется как бы изначально заданным. Явно или неявно предполагается, что старые формы всегда и везде сменяются строго определенными (то есть описанными теорией) формами. Так, например, безвождеские первобытные коллективы должны смениться вождествами, а вождества, в свою очередь, ранним государством. А на деле очень часто могло происходить по-другому (см., например:

Коротаев, Крадин, Лынша 2000; Крадин и др. 2000; Коротаев 2003в; Гринин 2007в; Grinin, Korotayev 2017a).

В таких подходах имеются две принципиальные методологические ошибки. Первая заключается в том, что модели эволюционно проходных форм, которые предполагались обязательными для всех обществ, теоретически конструировались на основе изучения обществ, застывших на каком-то этапе. Исследователям, которые их изучали, казалось, что раз все общества проходят одни и те же фазы развития, значит, такое «отставшее» общество демонстрирует стадию, обязательную в прошлом для всех современных обществ. Причем не принималось в расчет, что, поскольку изучаемые общества давно застыли на каком-то этапе, они довели некоторые свои черты и институты, условно говоря, до сверхразвития. Таким образом, подобные случайные примеры часто неправомерно выдавались и выдаются за обязательную модель развития тех или иных институтов на определенной стадии макросоциального развития, а их фактически перезрелым состояниям в теоретических схемах придается сильно преувеличенное значение¹⁵. Между тем для ароморфоза, то есть эволюционного перехода к качественно новому уровню сложности, как мы увидим далее, всякое сверхразвитие свойств соответствующего уровня (или чрезмерная специализация в рамках данного уровня) является, как правило, практически непреодолимым препятствием. При прочих равных условиях эволюционировать гораздо легче более гибким и менее специализированным формам. В отношении биологической эволюции подобная идея была выдвинута и сформулирована еще в конце XIX в. Э. Копом как правило происхождения от неспециализированных предков, которое заключается в том, что обычно новые крупные группы берут начало не от наиболее специализированных представителей предковых групп, а от сравнительно неспециализированных (так называемое «правило Копы»; подробнее о нем см.: Марков, Наймарк 1998; Раутиан 1988; Гринин, Марков, Коротаев 2008).

Вторая ошибка связана с недоучетом того, что на начальных фазах процесса формирования ароморфоза появляется не один, а много вариантов новых эволюционных форм. Однако все они не похожи на те, что предполагаются обязательными «по теории». Дело в том, что модели, которые впоследствии побеждают в эволюционном отборе, чаще всего являются не самыми первыми, а уже намного более поздними, фактически вторичными, а то и третичными вариациями. Иными словами, они выступают уже как результат длительного развития и конкуренции первичных форм. Сами же эти первичные формы затем исчезают, часто без явных следов¹⁶. Эти первичные непрочные варианты порождают

¹⁵ Так, в этнологии нередко стараются во всех позднепервобытных обществах отыскать институционально оформленную, ярко выраженную и ритуализованную авторитарную власть вождя или высокую степень его сакрализации, что на самом деле характерно лишь для более сложных обществ и более поздних моделей развития. Это аналогично попыткам перенести черты развитых монархий и сословного устройства европейских государств XVIII в. на раннее средневековье (впрочем, некоторые теоретики делают именно так). Подобные же неудачные экстраполяции можно наблюдать и в стремлении провести единую линию в развитии форм родства, брака, гендерных или религиозных обычаев и многого другого. Причем очень часто в более развитых обществах явления, в чем-то сходные с первобытностью (например, общинные системы), были просто новообразованиями, генетически никак не связанными с прежними формами (см. об этом ниже; см. также: Алаев 1981, 2000; Коротаев, Оболонков 1989, 1990). Эти ошибки также были связаны с тем, что однолинейные эволюционисты и детерминисты некоторым признакам приписывали исключительную роль важнейших показателей уровня развития социума, тогда как в реальности социумы, обладавшие сходным уровнем социокультурной сложности, могли иметь существенно разные варианты соответствующих признаков (это касается, например, форм родовых групп, в частности матрилинейных и патрилинейных; различных форм собственности: частной и коллективной; форм хозяйства; политических состояний: централизованных и децентрализованных и т. п.).

¹⁶ На этот момент указывал, в частности, Т. де Шарден (1987). На это обращал внимание и Н. Винер, одновременно подчеркивая, что мы знаем очень мало о происходящем в критические периоды неустойчивости (Wiener 1953). В биологии иногда эта особенность эволюции формулируется как правило «архаического многообразия» (термин Ю. В. Мамкаева [1968; см. также: Расницын 2002]).

целый веер новых форм, среди которых имеются как эволюционно перспективные, так и эволюционно «боковые», то есть не имеющие явной перспективы, но способные в определенных нишах сохраняться весьма долго (а нередко и оказывать существенное влияние на социальные системы, путь развития которых в дальнейшем оказывается доминирующим). К подобным «боковым» вариантам можно отнести, например, сверхразвитые родоплеменные конфедерации (типа ирокезской), сверхсложные кастово-клановые системы, а также различные развитые племенные формы некоторых кочевых и земледельческих горских народов (особенно на Ближнем и Среднем Востоке и в Северной Африке). Такие политии часто были «боковыми» (альтернативными или аналоговыми) формами относительно сложных вожеств и ранних государств и просуществовали в своих нишах в течение достаточно долгого времени, вполне заменяя государственные структуры, которые, в конечном счете, все-таки вытесняют их (подробнее см.: Коротаев 1987, 1993, 1995а, 1995б, 1996, 1997а, 1998, 2000а, 2000б, 2002, 2003в, 2006в; Коротаев, Крадин, Лынша 2000; Крадин и др. 2000; Гринин 2007а, 2007в; 2011; 2016; Korotayev 1993, 1994, 1995, 1996, 1997; Grinin 2003, 2004с; 2012).

Естественно, что некоторые институты в подобных обществах приобрели уже сверхразвитые формы (в частности, это могло выражаться в суперразвитой системе родовых отношений, в своеобразных демократических процедурах, в специфической структурной иерархии внутри племен и т. п.). Изучение отдельных подобных обществ без учета вышеуказанных особенностей и давало основание некоторым исследователям ошибочно отнести данные сверхразвитые институты к разряду универсальных, которые должны были иметь место в предшествующем развитии остальных. Отсюда появились идеи военной или развитой родовой демократии как обязательной стадии развития всех доклассовых обществ, тогда как «магистральным» путем (то есть в конечном счете практически вытеснившим большинство остальных) как раз оказался путь сужения демократии и развития монархических институтов (в виде вождя, в том числе сакрального вождя)¹⁷. Аналогичными (противоречащими реальной истории) являлись и схемы эволюции общин,

¹⁷ Но, разумеется, к проблеме определения важности линий развития надо относиться диалектически, поскольку при изучении социальной макроэволюции нельзя ограничиваться только ее условной «магистральной» линией. Кроме того, развитие по этой «магистральной» линии невозможно адекватно понять, не учитывая альтернативных вариантов социального развития. Тогда на указанный пример можно взглянуть и под другим углом. Конечно, демократический вариант политогенеза выглядит «тупиковым», так как демократические политические формы при переходе к сверхсложным аграрным обществам оказались практически полностью вытеснены недемократическими политическими формами (хотя, отметим, сложные демократические политические системы все-таки никогда полностью не исчезали ни на одной из фаз эволюции Мир-Системы, даже на этапе сверхсложного аграрного общества). Но, с другой стороны, имеются основания предполагать, что и недемократический путь политического развития при отсутствии демократической альтернативы был бы тупиковым. Действительно, имеются большие сомнения, что монархические развитые государства смогли бы совершить в полном объеме переход к зрелой государственности, если бы в истории Мир-Системы подобная альтернатива отсутствовала. Так, имеются основания полагать, что становление зрелой государственности в полном объеме было бы невозможным без промышленной революции (см., например: Гринин 2007в). Вместе с тем совершение этой революции вряд ли было бы возможным без становления современной науки. В свою очередь, становление современной науки было невозможным без той основы, что была заложена в Древней Греции в рамках именно демократических социально-политических систем. Не вызывает сомнения, что классическая древнегреческая социально-политическая система представляла собой очень сильное «отклонение от магистральной линии» социальной макроэволюции, так как она характеризовалась сочетанием аномально низкого уровня развития бюрократических структур и политической централизации с аномально высоким уровнем общей социокультурной сложности, которое и сделало возможным греческую культурно-научную революцию. Да, в конечном счете древнегреческая социально-политическая система не выдержала конкуренции с более политически централизованными и бюрократизированными (но все же менее творчески продуктивными) социально-политическими системами, но до этого она все-таки успела заложить основы современной науки. В этом смысле эволюционно тупиковыми были все направления социокультурной макроэволюции по отдельности, эволюционно прорывное направление же формировалось на мир-системном уровне из взаимодействия обществ, развивавшихся в разных эволюционных направлениях.

когда черты уже весьма зрелых крестьянских общин позднего Средневековья и Нового времени пытались перенести на общины варварского периода и раннего Средневековья (перечень таких примеров собран, в частности, в книгах Л. Б. Алаева [1981, 2000]; см. также сравнение позднесредневековой германской общины-марки и форм древнегерманских родовых и сельских коллективов в одной из работ А. Я. Гуревича [1999: 37–42]).

Таким образом, реальные предшественники будущих классических моделей исчезают, но зато остаются более поздние эволюционно боковые варианты, которые какое-то время являлись альтернативами первичным ароморфозам. И вот эти боковые формы теоретики нередко трактуют как эволюционно предшествующие указанным классическим ароморфным моделям. Конечно, теория от этого становится стройной, но зато она совершенно не соответствует реальности. Так, в частности, произошло и в случае, когда формы, аналоговые раннему государству, объявлялись (и объявляются до сих пор) догосударственными¹⁸.

Следовательно, однолинейный подход совершенно искажает ход эволюции. Иногда его приверженцы приписывают ранним формам черты более поздних. А иной раз, наоборот, эволюционно равноуровневую, но «боковую», альтернативную форму пытаются выдать за линейно предшествующую исследуемой форме¹⁹. Отсюда становится крайне сложно сравнивать общества, определять их реальный уровень развития. И поэтому нельзя не признать важности и продуктивности критики устаревших однолинейных схем XIX – первой половины XX в. (см., например: Steward 1972 [1955]; Popper 1964; Поппер 1992). В результате в 40–50-е гг. прошлого века появилось направление, обозначаемое как *неоэволюционизм*, которое опиралось на новейшие достижения культурной антропологии, археологии, социологии и исторической науки (а позже и биологии), при этом большинство представителей этого направления рассматривали эволюцию уже как *много(мульти)линейную*.

Однако проблема большинства современных, особенно американских, многолинейных эволюционистов в том, что в результате вполне справедливой критики примитивных эволюционных схем прошлого они пришли к неверному выводу о том, что разумнее отказать от поиска генерализующих концепций, объявляя их малоценными и непродуктивными. Поэтому центр их научных интересов смещается от эволюции человеческого общества в целом к процессам, протекающим в отдельных цивилизациях, культурах, обществах (Штомпка 1996: 152–153). Они полагают, что «то, что теряется в универсальности, будет наверстано в конкретности и специфичности» (Steward 1972 [1955]: 19). Однако отказ от общих конструкций, по сути, боязнь их, ведет к эклектичности, методологической слабости и порой даже к «изобретению велосипеда».

Тем не менее, на наш взгляд, грубый однолинейный, схематичный взгляд на эволюцию и исторический процесс вреднее, чем указанная эклектичность и недостаточная широта теоретизирования.

Существуют и концепции двухлинейного развития. Особенно активно разрабатывался такой подход применительно к проблеме развития европейских и азиатских стран. В советской науке он опирался на Марксову идею так называемого азиатского способа производства, которой посвящено огромное количество литературы (ее наиболее полный [хотя и не всегда непредвзятый] обзор для периода до середины 1970-х гг. можно найти в

¹⁸ Например, галльские развитые политии (с населением в сотни тысяч человек каждая) или даже империю Чингисхана рассматривают как догосударственные, тем самым ставя их на один уровень с какими-нибудь крошечными вождествами или небольшими независимыми деревенскими общинами.

¹⁹ Чтобы проиллюстрировать, как такие подходы меняют понимание процесса эволюции, можно вспомнить, что неандертальцев представляли как эволюционный этап на пути к человеку разумному. А теперь склоняются к тому, что неандертальцы (*Homo sapiens neanderthalensis*) и *Homo sapiens sapiens* какое-то время были параллельными видами (или параллельными подвидами одного вида). Отсюда наше понимание антропогенеза приобретает совершенно иной характер.

монографии В. Н. Никифорова *Восток и всемирная история* [1977]; см. также: Качановский 1971; Лынша 1995; Александров 1988; Седов 1987; Крылов 1997: 22–25; Васильев, Стучевский 1966; Gellner 1988: Глава 3). Некоторые авторы, например Л. С. Васильев (в частности: 1993, 1997 и др.) и в меньшей степени Ю. В. Павленко (1989, 1997, 2002), настолько жестко разводили условные линии развития Запада и Востока, что фактически весь мировой исторический процесс стал рассматриваться под углом противоречий этих линий. Такой подход немногим лучше однолинейного и, по сути, есть его вариация.

Р. Карнейро, пытаясь разрешить противоречие между концепциями однолинейного и многолинейного эволюционизма, отмечал важность учета параметров и аспектов исследования. Если подчеркивается подобие развивающихся институтов или структур, то социальную эволюцию можно рассматривать как однолинейную. Если выделяются различные пути – то как многолинейную (Carneiro 1973; см. также: Carneiro 2003: 229–238). В чем-то, конечно, он прав: от аспекта и методов исследования, исследовательской задачи зависит очень многое. И все же для большинства научных задач учет многолинейности и альтернативности эволюции будет совершенно обязателен. Ведь вариативность – ее важнейшее, фундаментальное качество. Можно сказать, что эволюция всегда имеет несколько ответов на возникающие проблемы. Не учитывать этого – ошибочно, что подтверждается, собственно, и примером самого Р. Карнейро, взгляды которого на возникновение государства можно определить как однолинейные²⁰.

Примерно так же обстоит дело и с предложенным М. Салинзом разделением эволюции на «общую», то есть прогрессию типов форм, представляющих движение по стадиям универсального прогресса, и «специфическую», то есть историческое развитие конкретных культурных форм (Sahlins 1960: 43). Это, действительно, очень продуктивный подход. Однако он становится таким только при разработке адекватной ему методологии, поскольку требует объемных и тщательно разработанных методик применения, системы новых абстрактных терминов и категорий, а также «правил перехода» от одного уровня исследования к другому. Но эти проблемы, как правило, игнорируются, поскольку законы эволюции предполагаются однотипными и на самом высоком уровне обобщения, и на самом конкретном (а как мы видели выше, это вовсе не так). В результате идея разнообразия у М. Салинза оказывается декларативной, и он фактически склоняется к обоснованию однолинейной схемы универсальных форм и стадий развития. Эта схема подвергалась различной критике (см. подробнее: Коротяев, Крадин, Лынша 2000: 49–50). Подход М. Салинза в чем-то напоминает попытку в нашей философии разделить социологические и исторические законы, которую предпринимали М. А. Барг, Е. Б. Черняк, Е. М. Жуков и ряд других ученых (см., например: Жуков и др. 1979; см. также: Кедров 2006: 27), когда декларировалось историческое разнообразие развития в рамках общих законов, но при анализе все сводилось к одной устаревшей схеме (подробнее см.: Гринин 1997а: 83–84).

Между тем, как будет показано далее, появление ароморфно перспективного решения (нового, получающего универсальное распространение ценного качества или перспективной модели) реализуется не всегда и не везде, а только в особых ситуациях и местах наиболее удачного сочетания нужных условий, то есть на первых порах достаточно редко. И только в результате многократного доказательства эволюционных преимуществ этих качеств и моделей они становятся более распространенными. Таким образом, мето-

²⁰ Например, он пишет, что когда мы имеем дело с политической эволюцией, мы встречаем, без сомнения, **однолинейность**. Все человеческие общества были когда-то бродячими группами, затем после перехода к сельскому хозяйству превратились в большинстве в автономные деревни. Потом деревни развились в вождества, включающие много деревень, а затем некоторое число вождеств превратилось в государство. **Таким образом, общая линия эволюции, приведшая к возникновению всех государств, была одна:** локальные группы – автономные деревни – вождества – государства (Carneiro 2003: 234).

дологические трудности возникают из-за недоучета того, что магистральный путь ароморфной макроэволюции нащупывается не сразу, что он: а) собственно, рождается в длительной конкуренции с немагистральными путями; б) долго приспосабливается к различным условиям, чтобы стать магистральным, получив универсальное распространение (или, по крайней мере, распространившись в основных зонах Мир-Системы). Иначе, например, по какой причине так трудно рождались государства в разных регионах на протяжении четырех с лишним тысячелетий, если бы магистральный путь эволюции был сразу нащупан и проложен?

Одним из авторов монографии разработаны более адекватные нелинейные модели эволюционного развития, в которых оно представлено не как группа линий, а как своего рода поле. «В реальности речь может идти не о линии и даже не о плоскости или трехмерном пространстве, но лишь о многомерном пространстве-поле социальной эволюции» (Коротаяев, Крадин, Лынша 2000: 31 и далее, особенно с. 74–75). Но, разумеется, с учетом неизмеримой сложности эволюции, которую невозможно вместить ни в какие теории, мы прекрасно осознаем, что линии, трехмерное пространство, поле и т. п. – это не более чем элементы моделей, по определению упрощающих реальность, которым нельзя придавать самодовлеющего значения. В конечном счете эволюция – это собирательная научная категория, которая объединяет в нашем представлении массу самых разных изменений и процессов, поэтому для ее объяснения можно привлекать разные приемы, самое главное – не начать рассматривать их как онтологические и сами по себе существующие.

С другой стороны, как мы уже отмечали ранее (Коротаяев, Крадин, Лынша 2000; Коротаяев 2003а), представляется вполне возможным говорить о линии/траектории эволюции (или линии развития) отдельного общества, отдельной социальной системы, что особенно существенно для нас в контексте этого исследования: ведь данное обстоятельство предполагает возможность говорить и о направлении/траектории (или линии) развития Мир-Системы.

Признавая многолинейность социальной эволюции, мы при этом исходим из идеи, что для каждого уровня сложности социальной эволюции можно выявить определенные альтернативы развития. Разные социальные и политические формы длительное время существовали, конкурировали между собой, причем для ряда особых экологических и социальных ниш немагистральные в ретроспективе линии, модели и варианты могли оказаться более конкурентоспособными и адекватными, чем те, которые впоследствии стали преобладающими. Поэтому утверждение о каком-либо неизбежном результате эволюции обычно бывает верным только в самом общем плане (и только при соблюдении определенных условий), когда его представляют как итог длительной конкуренции разных форм, их гибели, трансформаций, социального отбора, адаптации к разнообразным экологическим условиям и т. п. Но для каждого общества в отдельности такой результат мог и не быть неизбежным.

5. О некоторых чертах сходства и различия между биологической и социальной макроэволюцией. Аддитивность и конкурентность

В разных своих работах мы уделили много внимания поиску общих правил и закономерностей биологической и социальной макроэволюции. В то же время мы не можем не обратить внимания на некоторые фундаментальные различия между этими типами эволюции (подробнее см. Гринин, Марков, Коротаяев 2008: Приложения 2–4; Гринин, Коротаяев 2007б; Гринин, Коротаяев 2009). Одним из таких различий, имеющих принципиальный характер, мы считаем соотношение аддитивности (накопления разнообразия) и конкурентного вытеснения в двух формах макроэволюции. И аддитивность, и конкурентное

вытеснение имеют место в обоих случаях. Однако в целом для социальной макроэволюции (в особенности с XIX века) намного более характерен поступательный, последовательно-«прогрессивный» характер, развитие по принципу «старое вытесняется новым». Для биологической макроэволюции гораздо более характерен аддитивный, накопительный характер, развитие по принципу «новое добавляется к старому», причем между появляющимся новым и сохраняющимся старым возникают новые связи, что существенно усиливает суммарный «приток новизны» в эволюции биоты. Например, появление многоклеточных организмов вовсе не привело к вытеснению одноклеточных. Этого и не могло произойти, потому что высшие организмы изначально развивались в среде, населенной низшими; эти низшие организмы составляли важнейшую часть тех «внешних условий», к которым изначально должны были адаптироваться высшие. В результате с самого начала своей истории и по сей день низшие организмы остаются жизненно необходимыми для существования высших (Заварзин 2004). Если сегодня на Земле исчезнут все одноклеточные, биосфера испытает немедленный коллапс (растения придут в упадок из-за неспособности фиксировать азот; животные погибнут из-за неспособности переварить растительную пищу без помощи одноклеточных симбионтов и т.д.). Если же исчезнут многоклеточные, на процветании одноклеточных это отразится в гораздо меньшей степени.

В отличие от биологической эволюции, в социальной эволюции (в особенности в последний ее период) общая тенденция направлена на то, чтобы в конечном счете почти полностью вытеснить социальные организмы, которые не сумели воспользоваться инновациями и модернизировать не выдержавшие конкуренции общественные отношения и институты. Разве могло не сократиться, например, число обществ с каменными орудиями после того, как широко распространились железные орудия? Могло ли не уменьшиться число самобытных цивилизаций в результате экспансии лучше вооруженных социальных систем (например, вооруженных огнестрельным оружием)? Одна история завоевания цивилизаций Нового света испанскими и португальскими конкистадорами дает красноречивый ответ на оба вопроса (см., например: Diamond 1999). Распространение сельского хозяйства систематически уменьшало число охотничье-собираТЕЛЬСКИХ обществ; распространение государственности – количество безгосударственных; экспансия мировых религий вела к вытеснению языческих; появление и развитие промышленного принципа производства стало причиной мощнейшего процесса колониальных захватов, раньше или позже решительно модернизовавших отношения в колониях, и т.п. Там, где шла прямая конкуренция за жизненно важные ресурсы, например, землю, никакие усилия народов с более низким уровнем социокультурной сложности не могли спасти их от истребления или вытеснения. Так, некоторые северо-американские индейцы смогли научиться использовать лошадь, выращивать некоторые из привезенных европейцами домашних растений, адаптировать в обиход железные орудия и огнестрельное оружие, торговать с переселенцами и т.п. Но остановить освоение земель Запада колонистами европейского происхождения это, как мы знаем, не смогло.

В результате раньше или позже «тупиковые» социальные линии либо уничтожаются, либо модернизируются, либо интегрируются. Правда, нередко они просто оттеснялись в экологические ниши, не представлявшие интереса для сложных обществ, и поэтому могли достаточно долго сохраняться в этих нишах, а также составлять мирный или антагонистический симбиоз (каким являлись комплексы соседствующих цивилизаций и варварских народов, постоянно либо торгующих, либо воюющих друг с другом, либо иначе использующих друг друга, например, германцев и римлян, византийцев и славян, скифов и греков, китайцев и хунну). Вспомним также традиционные симбиотические отношения между охотниками-собираТЕЛЯМИ пигмеями и их соседями земледельцами банту, между многими группами догосударственных специализированных земледельцев и скотоводов

и т. п. Но в современных условиях число таких ниш, в которых бы могли уцелеть «тупиковые социальные виды», резко уменьшилось.

Указанное фундаментальное различие между двумя типами макроэволюции проявляется, в частности, в следующем. Если в социальной эволюции явственно наблюдается тенденция на сближение разных эволюционных линий, то для биологической макроэволюции в целом характерно все большее расхождение важнейших эволюционных линий (например, различия между «растительным» и «животным» направлением резко усилились при переходе от одноклеточного уровня организации к многоклеточному). Конечно, и в социальной макроэволюции различия между ведущими эволюционными линиями (например, между, условно говоря, «Востоком» и «Западом» или «социализмом» и «капитализмом»), периодами могут настолько увеличиться, что кажется, этим линиям «вместе не сойтись никогда». Но эта «разделительная» тенденция носит все же временный характер, поскольку на уровне макроэволюции все более видна постепенно обозначаящаяся тенденция на сближение линий развития, усилившаяся особенно в последние века и десятилетия. Таким образом, теоретически можно представить, что в пределе возникнет единая линия со-циальной макроэволюции. В биологической же эволюции представить такую ситуацию невозможно, в ней постоянно присутствует не одно, а множество «магистральных направлений».

Аналогии «надобщественных институтов» в биологической эволюции. В социальной эволюции очень важной ее характеристикой является наличие различных надобщественных структур, причем чем выше уровень социальной эволюции, тем это заметнее. Интересно в этой связи задаться вопросом: есть ли аналогии подобных структур в эволюции биосферы? Ответ будет зависеть от того уровня системной организации биосферы, который мы будем в данном случае сопоставлять с социумом (обществом, общественным организмом). Чаще всего, как уже было сказано, общество сравнивают с организмом (но тогда приходится сопоставлять надобщественные объединения с различными надорганизменными системами: популяциями, видами, экосистемами, коллективами общественных животных или колониями организмов). Однако в данном случае, нам представляется, это не самый удачный выбор масштаба рассмотрения. Взяв его за основу, нам бы пришлось сравнивать, например, надобщественные институты, имеющие глобальный или мир-системный масштаб (такие как ООН или ВОЗ), с биологическими объектами значительно меньшего масштаба (к примеру, с отдельными «кастами» муравьиной семьи).

И все же при любом масштабе рассмотрения и сопоставления достаточно очевидно, что в биологической эволюции трудно найти хорошие аналогии процессу формирования надобщественных институтов в ходе социальной макроэволюции. Еще более очевидным это становится, если общества уподобить не организмам, а надорганизменным биологическим системам (например, популяциям или видам). Хотя эти системы могут объединяться (подобно обществам) в системы более высокого уровня (экосистемы, биосферу), они не централизованы, сравнительно слабо интегрированы, и в них, по-видимому, не возникает ничего подобного не только таким надобщественным институтам, как те же ООН или ВОЗ, но и институтам гораздо более низкого уровня (даже, скажем, типа сложной конфедерации племен). Например, между видами в экосистемах (как и между обществами) развиваются сложные связи, отдельные ключевые виды могут оказывать решающее влияние на существование остальных видов в сообществе, но никаких оформленных «надвидовых институтов» при этом не появляется.

С одной стороны, в этом можно видеть одно из фундаментальных различий социальной и биологической макроэволюции. С другой стороны, из тех соображений, которые приведены выше, можно видеть, что на последнем этапе развития биосферы в ней все-таки возникли аналогии «надобщественных институтов», то есть оформленных струк-

тур, которые все в большей степени берут под свой контроль различные аспекты существования, функционирования и эволюции все большего числа биологических популяций, видов и экосистем. Роль таких «надобщественных институтов биосферы» в течение голоцена, то есть в последние 10 тыс. лет (начиная с аграрной революции), взяли на себя человеческие общества. В ходе социально-биологической эволюции антропосферы параллельно растет и интегрированность человечества (согласованность развития отдельных обществ), и интегрированность и согласованность эволюционных изменений биологических популяций, видов и экосистем. Иными словами, в определенном аспекте развитие глобального человеческого сообщества (Мир-Системы) можно рассматривать как фактор интеграции биологической эволюции на верхнем уровне. Таким образом, социальная и биологическая эволюция представляют собой в чем-то похожие, а в чем-то объективно родственные процессы, взаимно дополняющие и продолжающие друг друга, в тенденции способные слиться в единый комплексный процесс развития антропобиосферы (в этом смысле вполне можно говорить о коэволюции биологического и социального развития).

6. Еще о механизмах социальной макроэволюции

Механизм перехода к ароморфно новому состоянию. Если вернуться к рассмотрению механизма появления редких, но крайне важных эволюционных прорывов, можно констатировать, что хотя такие изменения совершались редко и лишь в отдельных местах, тем не менее рождались они не как какие-то универсальные и пригодные для всех решения, а как конкретные ответы отдельных обществ или социальных групп на возникшие проблемы. Их особенность определялась тем, что эти ответы не просто обеспечивали выход на более высокий уровень организации, но и оказывались исключительно эффективными в определенных отношениях (правда, такая эффективность могла обнаружиться не сразу, а спустя длительное время). Поэтому мы подчеркиваем, что, с одной стороны, нельзя игнорировать их особую эффективность и исключительность, но с другой – нельзя отрывать их появление от конкретных причин. Иначе можно потерять реальные и понятные объяснения их появления и начать мистифицировать эти причины, впадая в теоретический романтизм, например, объясняя появление непонятными мутациями, исключительной гениальностью и избранностью народов, вождей, космическими воздействиями и т.п., подобно тому, как биологи-виталисты искали (а некоторые ищут и сегодня) некую особую, свойственную всем живым существам субстанцию²¹. Поэтому мы пришли к выводу, что наиболее целесообразно эволюционно проходные модели рассматривать в двух аспектах.

Первый – аспект общего контекста. Эволюционно проходная ароморфная модель появляется как один из многих типов качественного изменения в ответ на изменившиеся условия и усложнившиеся задачи. А в этом плане и эволюционно проходные, и эволюционно тупиковые решения, если они вели к важным изменениям, решениям назревших эволюционных задач, можно рассматривать как равноправные²².

Второй – аспект особенности, исключительности. Та или иная конкретная модель из очень многих оказывается наиболее перспективной и универсальной, когда она доказывает свои конкурентные преимущества и постепенно начинает заимствоваться, переда-

²¹ Р. Карнап (1971: 52–59) рассказывает, например, о своих дискуссиях с известным немецким биологом и философом Х. Дришем. Последний сделал центральным в своей концепции понятие *энтелехии* (сам термин он заимствовал у Аристотеля), то есть некоей особой природы (непонятной нам) силы, которая заставляет живые тела вести себя так, как они ведут. Она ответственна за все, что каждая клетка делает в теле (о взглядах Дриша и его приверженцев см. также в: Афанасьев 1964: Глава 5, § 1).

²² Такой аспект был, например, разработан нами в отношении перехода к государству (см.: Гринин 2001а, 2007б).

ваться, навязываться. Причины такой исключительности необходимо в каждом случае исследовать самостоятельно, но это уже причины второго порядка. Иными словами, общий ответ на то, почему реализовалась некая особо важная аргенная трансформация, изменившая последующий ход макроэволюции, будет таким: она произошла как одна из многих реакций на произошедшие средовые, ресурсные, структурные, факторные или иные существенные изменения. Но в разных обществах реакция на выросшие задачи была очень разная и по типам, и по ее эволюционной перспективности. В результате в дальнейшем из многих моделей перспективными оказались только некоторые, поскольку они имели определенные преимущества. Однако эти преимущества проявлялись далеко не сразу, а длительное время разные модели могли конкурировать между собой.

Иными словами, на пути к новым ароморфозам нет никакой заданности, кроме того, что имеется потребность в поиске решений усложняющихся или новых задач. Закономерность перехода с одного уровня сложности на другой всегда проявляет себя как случайность (Шемякин 1992: 19). Поэтому понятно, что эволюционно «правильный» ответ находится весьма нескоро. Однако с ростом числа людей – при соответствующих коммуникативных механизмах и характеристиках системы – предлагается и большее число решений. Поэтому в определенных системах, способных более адекватно реагировать на ситуации, сокращается и время, затрачиваемое на нахождение «эволюционно проходных решений». Отсюда и темпы социальной макроэволюции могут гиперболически ускоряться в силу действия уже упоминавшегося ранее механизма положительной обратной связи второго порядка, который в данном случае может быть описан следующим образом: больше людей – рост числа вырабатываемых вариантов решений возникающих эволюционных проблем – быстрее находится эволюционно проходное решение (которое, как правило, сопровождается ростом емкости среды/несущей способности земли) – увеличение числа людей-субъектов выработки эволюционных решений и т.д. (см. об этом в Главе 3). Но этот момент ни в коем случае нельзя понимать так, что общество, имеющее большее население, непременно будет вырабатывать больше и лучше эволюционных решений. Напротив, как известно, наиболее важные ароморфные инновации происходили часто в сравнительно малочисленных обществах (как Древняя Греция, Иудея, Аравия, Британия и т. д.). Данная же закономерность работает именно на мир-системном уровне.

Речь, таким образом, идет о зависимости в рамках не отдельного общества, а Мир-Системы, в которой общая численность населения может проявить себя только в комбинации с эволюционным разнообразием, внутренней конкуренцией между ее элементами, сочетанием удачных условий в определенное время и в определенном месте и рядом других условий. Только тогда может сформироваться важное эволюционное ароморфное решение. Иными словами, такой макроэволюционный аргенный прорыв будет в конечном счете закономерным, но в какой именно части Мир-Системы, в какое время и в какой конкретно форме он состоится, будет во многом определяться стохастическими процессами и факторами (то есть носить вероятностный и во многом случайный характер).

Повторим здесь то, что говорилось выше. При движении от более низких (то есть синергетически более простых) к качественно более высоким (то есть синергетически более сложным) формам эволюция как бы создает веер возможностей, множество переходных форм. Стадиально они равноправны (то есть они характеризуются приблизительно одинаковым уровнем социокультурной сложности). Но в плане перспективности большинство из них обречено исчезнуть, часто вовсе без заметного следа (но иногда внося тот или иной вклад в макроэволюционное развитие Мир-Системы). Поэтому при анализе прошлого создается обманчивое впечатление появления сразу зрелых готовых форм (Тейяр де Шарден 1987).

На самом деле сначала должны были создаться определенная межсоциумная среда с плотными контактами и появиться нужное «видовое» разнообразие. А уже среди этого

разнообразия могут возникнуть первичные перспективные варианты, которые далее обычно заменяются иными, эволюционно более перспективными формами. Этот процесс заполнения ниш, территорий и создания каналов контактов бывает нескорым. В частности, по пути от простых независимых первобытных локальных групп к государственности было много этапов и подэтапов, а также вариантов развития, и на каждом из них можно увидеть отпочкование каких-то новых направлений, соперничество и одновременно синтез новых форм. Таким образом, вариативность и альтернативность сопровождают социальную эволюцию. Разнообразие и различия можно рассматривать как важнейшее условие эволюционного и особенно макроэволюционного процесса²³. Это подразумевает, что переход на значимо более высокий уровень социально-политической сложности обычно невозможен без достаточного уровня вариативности социально-политических форм (Korotayev *et al.* 2000: 18; Коротаев, Крадин, Лынша 2000; Тейяр де Шарден 1987; Bondarenko, Grinin, Korotayev 2002; Гринин 1995–1996, 1997a: 68–69), и это качество, на наш взгляд, может быть представлено как вариативность проявления широких по масштабу своего действия законов вообще (Гринин 1997a: 68–69 и др.).

Реализация эволюционных преимуществ. Итак, только в разнообразии и при длительных контактах может реально появиться что-то особое, эволюционно перспективное. Ведь лишь незначительное меньшинство ответов на вызов способно стать источником ароморфных изменений на длительный срок. Но когда такие моменты и институты выделяются и окрепнут, они будут способны перестроить все в систему.

Кроме того, надо иметь в виду, что эволюционно удачные и перспективные ароморфные структуры вовсе не обязательно были более удачными и в любой конкретно-исторической обстановке. Напротив, часто долгое время могло быть по-иному. Поэтому только на длительных временных отрезках становится видно, как и почему более ароморфные системы все же постепенно побеждали, а менее способные к ароморфозам выбраковывались и уничтожались, хотя в отдельных местах по разным причинам могли сохраняться (именно поэтому в определении мы говорили о позитивных проявлениях новаций, которые проявляются сразу или спустя определенное время). Но даже когда эволюционно перспективная ароморфная форма оказывалась найденной, обычно требовались большой «инкубационный период» и особые условия, чтобы эта форма доказала свои преимущества. Время и условия требовались также для того, чтобы эти достижения **могли быть перенесены на иные места и ситуации**. Сложности заимствования и переноса достижений являлись важнейшей причиной длительных задержек в развитии потенциально перспективных ароморфных форм. Причем проблемы часто заключались не только в нежелании изменений, но и в трудностях приспособления и адаптации заимствованных технологий. Следовательно, должны были появиться какие-то дополнительные новации, которые помогли бы этим преимуществам проявиться в новых (по отношению к тем, в которых они возникли) условиях; но это могло случиться не скоро.

В отношении государства, например, в тех или иных регионах нужны были самые различные факторы: технические, технологические, правовые, культурные, – чтобы компенсировать недостаток плодородия почвы, численности населения, богатства, особой комбинации сакральных и политических характеристик, которые имелись в ирригационных государствах в долинах больших рек. В частности, в Центральной и Северной Европе до появления эффективной металлургии железа развитие государственности задерживалось. Да и распространение этой технологии в данной зоне отнюдь не вело к автоматическому становлению государственности или альтернативных ей форм политической ор-

²³ Для появления ароморфоза, по нашему мнению, нужно соответствие условий ряду правил, в числе которых правило достаточного разнообразия, правило роста разнообразия, в ряде случаев и правило избыточного разнообразия (Гринин, Марков, Коротаев 2008; см. также: Назаретян 2004: 228; 2008).

ганизации – речь идет о необходимом, но недостаточном условии (подробнее см.: Гринин, Коротаев 2007б; Grinin, Korotaev 2006).

Таким образом, мы полагаем, что возникновение перспективных форм, институтов, отношений, с одной стороны, объясняется внутренним развитием, но с другой – это всегда результат того, что в наличии имеется достаточно иных форм, эволюционные «удачи» и «неудачи» которых и подготовили в конце концов «удачный» вариант.

7. Движущие силы и изменение «алгоритма» социальной макроэволюции

Очевидно, что изменение баланса движущих сил ведет к модификации проявления отдельных исторических законов – например, исторического/социального отбора, который в современных условиях уже не ведет к физическому уничтожению «отставших» обществ и тем более их населения, а напротив, такие общества становятся объектом особого внимания мирового сообщества. А система регулирования численности населения в условиях индустриального и постиндустриального производства обеспечивает то, что демографическое развитие уже не ведет к мальтузианскому исходу, то есть социально-демографическим катастрофам. Кроме того, существенно модифицируется и в целом система релевантных исторических законов и движущих сил исторического развития: одни законы и силы перестают быть релевантными, так как исчезают условия, при которых наблюдается описываемая ими динамика, зато становятся значимыми другие законы, описывающие социально-историческую динамику в новых условиях (один из ярких примеров – процессы глобализации).

В какой-то мере, хотя и достаточно условно, можно говорить и о системе изменяющихся типов макроэволюции. В частности, прежде всего можно отметить два крупнейших изменения в характере макроэволюции. Во-первых, это **переход в период антропогенеза от биологической к социальной макроэволюции**; во-вторых, это **переход в рамках уже социальной макроэволюции от социально-природной к социально-исторической макроэволюции в течение аграрной революции**.

В течение антропогенеза биологическая макроэволюция сначала трансформировалась в биолого-социальную; затем последняя – в социально-биологическую; и только потом уже – в собственно социальную (см., в частности: Гринин 2006ж; Grinin 2006a). В течение периода присваивающего принципа производства, однако, крупных ароморфозов было еще мало, поэтому и темпы социоэволюционного процесса были относительно медленными, а направленность социальной макроэволюции – очень нечеткой. Такой тип социальной макроэволюции можно обозначить как социально-природный. В результате системы взаимообусловленных крупнейших социальных ароморфозов, связанных с аграрной революцией, постепенно состоялся переход к социально-историческому типу макроэволюции. Вследствие этого социальная макроэволюция существенно меняет свой «алгоритм», что значимо повлияло на модификацию законов и их релевантность для разных крупных эпох²⁴. В качестве примера того, как происходит изменение

²⁴ Один из авторов монографии уже делал попытки разработать схему изменения типов макроэволюции для последовательных этапов исторического процесса (см.: Гринин 2007н: 177; Гринин, Коротаев 2013). Согласно этой схеме, в период аграрно-ремесленного принципа производства преобладающим становится тип **военно-цивилизационной макроэволюции**. В период индустриального принципа производства кардинально меняются как темпы макроэволюции, так и релевантность сознательных изменений со стороны субъектов общества. Тип макроэволюции условно можно назвать **промышленно-реформаторским** (или – как вариант – **промышленно-революционным**). Наконец, в начавшуюся эпоху научно-информационного принципа производства формируется иной тип эволюции – **общечеловеческий**. Как уже было сказано выше, роль механизмов спонтанной эволюции несколько уменьшается и угасает на одних уровнях (хотя и не полностью; при этом они продолжают играть исключительно важную роль на других уровнях), а роль целенаправленного влияния (социальной инженерии и др.) увеличивается.

значимости законов и самого хода действия «алгоритма» социальной макроэволюции, можно рассмотреть подобные трансформации в ходе аграрной революции.

Главным фактором изменений в обществах периода присваивающей экономики была необходимость приспосабливаться к окружающей среде (в том числе и в результате заселения людьми все новых и новых территорий с непривычными природными условиями – от пустынь Австралии до льдов Арктики, что было возможно только при существенной модификации соответствующих социокультурных систем). Это, в конце концов, позволило человеку заселить большую часть земной суши, создать огромное разнообразие орудий труда, вещей, социальных и иных институтов. Удачное приспособление позволяло людям не только выживать, но и нередко жить достаточно «комфортно» в первобытном обществе изобилия (*original affluent society*), по выражению М. Салинза (Sahlins 1972). Характер взаимоотношений людей с окружающей средой существенно варьировал, но в целом он был приспособительным к природной среде (см., например: Леонова, Несмеянов 1993; см. также: Гринин 2003а: 82–83).

В аграрную эпоху характер этих взаимоотношений меняется за счет перехода к достаточно осмысленному и активному преобразованию окружающей среды в широких масштабах (ирригация, вырубка и выжигание лесов, распашка целины, внесение удобрений и т. п., не говоря уже о создании городов, дорог и иных инфраструктурных объектов). Значительно расширяется и использование природных сил, включая силу животных, ветра и воды (ранее активно использовался лишь огонь). Природное сырье превращается в совершенно новые материалы и вещи (металлы, стекло, ткани, гончарные изделия).

Таким образом, в процессе социальной эволюции все более важную роль начинали играть собственно социальные факторы, которые в отличие от природных связаны с целеполаганием, то есть постановкой и исполнением определенных целей. Постепенно по мере экономико-технологического прогресса, увеличения способности к накоплению относительно избыточного продукта, а также роста общей культурной сложности социальных систем эволюция становится уже почти чисто социальной. В результате и «вектор» эволюционного отбора оказался направленным не столько на возможности обществ адаптироваться к природной среде, сколько на их возможности выжить и процветать в среде социальной, что подразумевает способность выдержать конкуренцию с соседями в военной, торговой, культурной или иных сферах. Среди важных изменений в «алгоритме» социальной эволюции следует отметить:

- **Включение механизма аккумуляции ресурсов**

За десятки тысяч лет присваивающей первобытности в материальной области практически не было долгосрочных накоплений. Накапливались (и то в ограниченном объеме) только знания, традиции и технологии, но и здесь не было какой-то непрерывной линии. Фактически накопление шло не столько в рамках каждого общества, сколько в целом за счет роста числа обществ и населения, за счет появления разнообразных вещей и орудий труда. Иными словами, используя экономические термины, ни о каком хозяйственном секторе накопления до аграрной революции говорить практически невозможно²⁵ (см., в частности: Artzrouni, Komlos 1985; Гринин 2007г, 2007н).

Во многих случаях люди могли производить гораздо больше, чем делали на самом деле, и нередко возникали общества первобытного «изобилия» и даже относительной праздности подобно обществам собирателей дикого саго, которые труди-

²⁵ За исключением, по всей видимости, некоторых высокоспециализированных обществ охотников (как правило, на крупных морских млекопитающих), собирателей и рыболовов, например, ряда сообществ, описанных этнографически на Северо-западном побережье Американского континента (см., например: Аверкиева 1978а; Шнирельман 1986).

лись небольшую часть года, а остальное время отдыхали и занимались разными видами непродуцирующей активности, в особенности военной и ритуальной (Шнирельман 1983, 1989). Невозможность и/или нежелание накапливать замедляли развитие, и уже из-за одного этого медленный темп социальной эволюции был практически неизбежен (см. об этом противоречии: Гринин 2003а, 2007б). Появление в обществах ранних земледельцев и скотоводов возможности, а затем и стремления накапливать материальные объекты привело к кардинальным изменениям в области функциональной дифференциации, распределения, социальной стратификации, обмена и торговли, в плане развития отношений собственности, подготовки обществ к государственности и ее аналогам.

- **Усиление способности обществ к трансформации**

Аграрные общества оказались в целом более способными к серьезным социальным трансформациям, чем общества охотников-собирателей. При этом сложные/суперсложные аграрные (государственные/квазигосударственные цивилизованные) общества оказались гораздо более способны к такой трансформации, чем простые земледельцы и скотоводы.

Увеличение способности обществ к изменениям очень ярко демонстрирует главное отличие социальной эволюции от биологической: как уже отмечалось нами ранее, социальные организмы – через действия их членов – могут трансформироваться сознательно и с определенной целью.

- **Выход контактов между обществами на ведущее место среди факторов эволюции**

Значение разнообразных контактов резко увеличилось, и это способствовало более активному приспособлению обществ к окружающей социальной среде. Возрастание роли контактов радикально увеличило значение внешних *социальных* движущих сил (см. также: Гринин 1997б: 23; 2007д: 177). А это имело огромное значение для развития Мир-Системы и человечества в целом. Военные и иные взаимодействия заставляли думать об увеличении эффективности управления, обороны, культурных систем, техники и т. д. Все это в целом позволило включить в единый исторический (мир-системный) процесс множество обществ и народов.

Стоит отметить, что начался процесс увеличения обществ в размерах не только за счет естественного роста населения, но и за счет их интеграции и объединения, то есть эти внешние контактные факторы оказались важнейшими в процессе эволюции.